

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ПУШКИН

Пушкинским юбилеям принадлежит особое место в календаре знаменательных дат отечественной культуры. Когда-то торжества в честь столетнего юбилея Александра Сергеевича помогли классически ясно оформить представление о веках развития русской культуры Нового времени. «Пушкинским началом» золотого века русской словесности назвали потомки то, что способствует органичному самобытному росту национальных достижений во всех сферах просвещенной деятельности. Ориентиры пути, проложенные в русле мифа отечественной культуры, сделали фигуру Пушкина фигурой культурного героя.

Расцвет органического единства на этапе «от Пушкина до Чехова», создав огромный массив русской классики, показал, что дело вовсе не в эталонах формы. Пушкин – пульс глубинных гармонических законов. Это чувствовали и пропустили сквозь себя художники Серебряного века, к этому в конце концов пришли и те, кто справился с искусами эпохи модернизма.

Редакционная коллегия журнала озаглавила специальную рубрику номера, посвященного 220-летию со дня рождения великого русского поэта, «Неисчерпаемый Пушкин», – как дань пушкинскому вкладу в поддержку законов устойчивости культурного бытия. Подборка материалов специальной рубрики отражает существенные, на наш взгляд, грани неисчерпаемого понятия Пушкин.

Один из основных – вопрос об эволюции мировоззрения поэта, пришедшего в зрелые годы к национально-патриотическому умонастроению, оформленному как государственное сознание.

В гениальных произведениях Пушкина, в частности, в цикле «Маленьких трагедий» намечены пути решения проблем, остающихся и ныне в высшей степени актуальными и жизненно значимыми. Современные исследователи раскрывают это на базе текстологического анализа с применением знаний из области истории, философии и богословия.

Продолжается изучение рукописного наследия поэта. Новые сведения о его творческой лаборатории дает анализ рисунков в рукописях 1830 г., отразивших мысли Пушкина о преобразованиях литературного процесса.

Сохраняет значимость и выявление тем и мотивов, восходящих к емким культурным пластам тысячелетней истории народов. Мотив «эриванские ковры» в стихотворении, написанном Пушкиным по следам крымских впечатлений («В прохладе сладостной фонтанов...», 1828 г.), интересен как экскурс в историю христианства древности, связывающую между собою Византию, Армению, Крым.

Наши современники черпают в пушкинском начале импульсы художественного, умственного и гражданского развития, которыми обеспечены устойчивость фундаментальных опор, преемственность качественных проявлений национального самосознания, возможность транслировать потомкам объективное знание о культурном самочувствии эпох. Говорить и думать о Пушкине – значит говорить и думать не только о великом прошлом, но и о будущем нашей родной культуры.

Редактор специальной рубрики Е. Ю. Третьякова

ЗОРИН Александр Львович

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия
Alexandr L. ZORIN

Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Leading Researcher,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage
Krasnodar, Russian Federation
azor115@rambler.ru

УДК [008:140.8]:821.161.1
ГРНТИ 13.09
ВАК 24.00.01

К вопросу о мировоззрении А. С. Пушкина

On the Worldview of Alexander Pushkin

В статье рассматриваются особенности мировоззрения А. С. Пушкина — гениального поэта и оригинального мыслителя, оставившего глубокий след в русской культуре и национальном самосознании. Вопрос этот неоднократно освещался в работах разных исследователей, которые, исходя из собственных политических, этических и религиозных воззрений, зачастую односторонне оценивали его социально-политические, эстетические и религиозные взгляды. Автором ставится задача рассмотреть пушкинское мировоззрение в контексте всего жизненного и творческого пути поэта, привлекая не только его художественные произведения, но и переписку с друзьями и знакомыми, а также воспоминания современников.

Проделанный анализ показывает, что поэт вовсе не готов был втиснуть свою жизнь в прокрустово ложе какой-то философской теории, а стремился испытать все состояния человеческого духа: он то жаждет жизни и всех ее радостей, то отрекается от нее вплоть до аскезы; то открыт окружающему миру, то замкнут и сосредоточен в себе; предстает то атеистом и даже богохульником, то искренне религиозным человеком, видящим в своем творчестве проявление божественного дара. Однако, при всей способности Пушкина в зависимости от обстоятельств и устремлений менять свой облик, в развитии его мировоззрения можно найти устойчивые тенденции. Его становление как личности идет от юношеского бунтарства и свободомыслия к либеральному консерватизму, опирающемуся на национальные традиции и русскую культуру, с одной стороны, и требующему личной свободы человека как залога возможности творческой деятельности, — с другой.

Ключевые слова: мировоззрение, объективизм, субъективизм, свободомыслие, либеральный консерватизм, национальные традиции, русская культура, оптимизм, пессимизм, западничество, монархизм.

В преддверии празднования 220-й годовщины со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина вновь возникает повышенный интерес к его творчеству и личности, вновь оценивается его роль и значение для развития отечественной и мировой литературы и культуры, вновь осуществляются попытки проникнуть в его внутренний мир, выявить новые грани его универсального гения, почувствовать настрой его души и прояснить его мироощущение.

В этом русле вполне закономерен, казалось бы, уже давно и хорошо исследованный вопрос, касающийся особенностей мировоззрения этой незаурядной личности, оставившей столь глубокий след в русской культуре и национальном самосознании. И здесь становится ясно, что ранее проделанная работа требует уточнения и корректировки. Это обусловлено тем, что разные исследователи жизни и творчества Пушкина, будучи сами носителями определенных политических, нравственно-этических, эстетических и религиозных воззрений, стремились найти в великом русском поэте своего единомышленника. Так, Ф. М. Достоевский в своей речи, произнесенной по случаю открытия памятника Пушкину в Москве (1880), представил, по мнению К. Н. Леонтьева, «чувственного, языческого, героического» Пушкина в виде «смиренного христианина» [7, с. 390]. И с этим упреком можно вполне согласиться, не забывая при этом о безусловной односторонности оценки великого поэта со стороны автора книги «Византизм и славянство».

Но дело не только в личных пристрастиях писавших о Пушкине: на многих работах, посвященных рассмотрению его мировоззрения, лежала печать той эпохи, в которую они были созданы. Ярким примером такой ангажированности эпохой и политической конъюнктурой является доклад В. Я. Кирпотина «Мировоззрение Пушкина», сделанный в АН СССР по случаю столетия смерти поэта. В этом выступлении гений русской поэзии предстает как человек, которому присущ «материалистический и атеистический взгляд на мир», который «превращает Евангелие и христианство в смешное и глупое суеверие, достойное только осмеяния перед лицом разума», для

которого всё мистическое и потусторонний мир «только фантом, только иллюзия непропущенного невежественного воображения» [4, с. 24]. По мнению докладчика, Пушкин стопроцентный оптимист, поэтому «уныние и мечтательность, т. е. пессимизм и идеализм, были для него неприемлемы». И, наконец, в «лучших» традициях марксистской критики в отношении поэта делается следующее замечание: «Пушкина, по его мировоззрению, по его теоретическим взглядам нельзя, конечно, назвать диалектиком, но в творческой практике он гениальным пониманием художника-реалиста дал не один пример диалектической разработки своих тем» [4, с. 32]. Сюда бы можно было еще добавить рассуждения о Пушкине как прирожденном революционере, ярком борце с российским самодержавием и крепостничеством. И действительно он сам признался в разговоре с императором Николаем I, что если бы находился в Петербурге в день восстания декабристов на Сенатской площади, то, безусловно, примкнул к последним.

Наряду с подобной односторонней трактовкой особенностей мировоззрения Пушкина еще в дореволюционный период возникла диаметрально противоположная точка зрения, согласно которой поэт был глубоко религиозным и даже набожным человеком, чуть ли не с юных лет готовым закончить свою жизнь в монастырской келье, а посему являл собой «национальный православный символ поэта-пророка». Эта точка зрения активно реанимируется в постсоветский период в трудах не только религиозных деятелей, но и некоторых крупных исследователей пушкинского наследия. В результате такой трактовки «Пушкин предстает глубоко верующим христианином, национальным православным поэтом, правда, заблуждавшимся вначале, но вернувшимся в конце своего жизненного пути в лоно церкви» [5, с. 4]. Всё вышеизложенное говорит о том, что проблема особенностей мировоззрения Пушкина является далеко не решенной и требует к себе пристального внимания и новых подходов. Как справедливо отмечает С. Ю. Ковалева, «Пушкина надо воспринимать не “выборочно”, а во всей полноте жизненного и творческого пути» [5, с. 5].

При этом в основу исследования поставленной проблемы должны быть положены следующие факторы: 1) социально-политическая и культурно-идеологическая обстановка, в которой жил и творил поэт; 2) духовная эволюция его личности, весьма импульсивной по своей природе, вечно готовой к усвоению нового жизненного опыта и, как следствие, пересмотру основополагающих целеустановок, беспрестанно и мучительно ищущей смысл жизни, надежные точки опоры в постоянно меняющемся мире, ведущей беспрепятственный диалог не только с окружающими, но и с самой собой ради обретения подлинной истины и веры; 3) принятие во внимание всего творческого наследия поэта, т. е. рассмотрение не только его лирики и прозы, но также использование пушкинских писем и воспоминаний современников.

Начнем с характеристики эпохи, в которую жил Пушкин и которую он определил как «жестокий век». Это было время бурных событий, которые переживала не только Россия, но и вся Европа. Осуществленная в конце XVIII столетия Великая французская революция повлекла за собой череду войн, которые закончились поражением наполеоновской армии в России и захватом Парижа войсками коалиции в 1814 г. Император Александр I, возглавлявший антинаполеоновскую коалицию, возвращается в Россию победителем и героем, от которого российская общественность ждет перемен в социально-политическом устройстве страны. «Война 1812 г., получившая название освободительной,— пишет в этой связи В. В. Зеньковский,— дала огромный толчок развитию идейной и общественной жизни в России. Огромное количество русских людей непосредственно прикоснулось... к европейской жизни, и это живое знакомство с Западной Европой гораздо сильнее повлияло на русскую душу, чем то увлечение Западом, которое проявилось в XVIII веке» [2, с. 143]. Многие русские патриоты желали видеть свою страну избавленной от крепостного права и самодержавного правления, свободной и просвещенной. Пушкин, который учился в это время в Царскосельском лицее, являвшемся, по мнению некоторых современников, «рассадником якобинства», невольно впитывал в себя этот

дух свободомыслия, основывающийся на трудах французских просветителей, и прежде всего Ф. Вольтера, идеи которого проникли в Россию еще в царствование Екатерины II. В 1816 г. юный поэт подпадает под сильное политическое и идейное влияние П. Я. Чаадаева, участника Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русских войск 1813–1814 гг. Этим влиянием определяется настрой некоторых его произведений, прежде всего таких, как ода «Вольность» и послание «К Чаадаеву», где он выражает уверенность, что «Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья», т. е. поверженного самодержавия, будут написаны имена его единомышленников.

Однако уже в это время политический радикализм Пушкина отличается от революционного радикализма А. Н. Радищева, который был непримиримым противником монархии вообще. Юный же поэт порицает тех монархов, которые изменили духовной сущности монархии и превратились в тиранов, попирающих все законы — божественные и человеческие. Будучи противником тирании, он напоминает зарвавшимся правителям следующее:

*Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон*

[6, т. 1, с. 46].

Другой весьма болезненной проблемой России первой половины XIX в. было существование крепостного права. Хотя некоторые послабления в этом вопросе были сделаны в начале царствования Александра I, издавшего «Манифест о вольных хлебопашцах», но в целом положение крепостных крестьян мало изменилось. Юный Пушкин касается этой злободневной темы в стихотворении «Деревня», где «среди цветущих нив и гор» с прискорбием замечает «невежества убийственный позор», «барство дикое, без чувства, без закона», присвоившее себе «и труд, и собственность, и время земледельца». В конце стихотворения поэт с надеждой вопрошает:

*Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?*

[6, т. 1, с. 82]

Из слов его понятно, что освобождение крестьян от гнета крепостничества он связывает не с революционным свержением рабства, а с благой волей царя, дарующего посредством собственного соизволения свободу своим подданным. Таким образом, юный Пушкин, подобно многим своим сверстникам, «переболел» умственными болезнями своей эпохи, к которым помимо революционной романтики, выражавшейся в порицании самодержавного деспотизма и моральном осуждении крепостничества, можно отнести увлечение масонскими идеями во время южной ссылки, а также атеистическими и даже богоборческими настроениями, в полной мере проявившимися в «Гавриилиаде», хотя на допросе сам поэт отрицал то, что является автором этого произведения. Более того, невзирая на то, что он брал во время пребывания в Кишиневе уроки атеизма у англичанина Хатчисона, последний, судя по всему, не смог до конца его убедить, что Бога не существует. Доказательством тому служат записки А. О. Смирновой, где приводятся слова Пушкина об итогах своего обучения касательно этого весьма щепетильного вопроса. «Я очень хорошо сделал,— пишет поэт,— что брал уроки атеизма: я увидел, какие вероятности представляет атеизм, взвесил их, продумал, и пришел к результату, что сумма этих вероятностей сводится к нулю. А нуль только тогда имеет реальное значение, когда перед ним стоит цифра. Этой-то цифры и недоставало моему профессору атеизма. Я, в конце концов, пришел к тому убеждению, что нашел Бога именно потому, что Он существует» [3, с. 28]. Таким образом, несмотря на весь свой революционный задор и нигилизм по отношению к социально-политическим порядкам в России, «ни убежденным масоном, ни революционером, ни атеистом Пушкин не становится» [9, с. 14]. И это не удивительно: его порывистая и необузданная натура не дает ему сосредоточиться на чем-то одном. При всех своих духовных исканиях он ведет свойственный людям его круга светский образ жизни: участвует в юношеских попойках и пирах, является завсегдатаем театральных лож, не чуждается любовных утех, пишет едкие эпиграммы на врагов и недоброжелате-

лей, соблазняет жен своих начальников, т. е. ничто человеческое ему не чуждо. Но предаваясь радостям жизни, поэт не чувствует себя полностью удовлетворенным: наступают минуты, когда его душа стремится к уединению, к сосредоточению на радостных мгновениях творчества, во время которых «мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы легкие навстречу им бегут» [6, т. 2, с. 312].

Пушкина часто называют солнечным гением, несущим в своем творчестве радость, умиротворение и просветление. И это, безусловно, верно.

Прав В. В. Розанов, который пишет: «Пушкин — это покой, ясность и уравновешенность» [8, с. 366]. Но это только часть истины, поскольку пушкинское мироощущение имеет обратную сторону, связанную с «хандрой», «безнадежностью», чувством глубокой и неумемной тоски. И мотивы подобного рода пронизывают всё творчество поэта, начиная с периода лицейской жизни. Уже в ранней пушкинской лирике мы можем найти строки: «моя стезя печальна и темна», «дышать уныньем мой удел», «вся жизнь моя печальный мрак ненастья», «душа полна невольной грустной думой». Такие высказывания вряд ли можно представлять лишь как своеобразный литературный прием или отдание дани моде того времени, поскольку грустные и унылые настроения находят свое проявление в течение всей жизни Пушкина и являются неотъемлемой составной частью, если не его мировоззрения, то его мироощущения. Поэт — это мятущаяся душа: он хочет «стать у бездны на краю» или «изведать тайны гроба». Он вовсе не тот рационалист просветительского толка, каким его хотят представить некоторые. В глубине своей души он мистик, стремящийся узреть «в мире здешнем мир иной» (Д. С. Мережковский). Поэтому его творчество не остается замкнутым в пределах «земной действительности», а имеет, по словам Ф. М. Достоевского, тенденцию «соприкасаться мирам иным». Отсюда наличие фантастических элементов в ряде прозаических произведений Пушкина, которые играют в жизни людей существенную роль. В этой связи уместно вспомнить о «черном человеке» из «Моцарта и Сальери». Этот персонаж, по мнению био-

графов великого австрийского композитора, действительно существовал и даже известно его имя; но в какой мере он явился виновником ранней смерти В. А. Моцарта, — кто может это достоверно объяснить?

Если интерес к предельным вопросам человеческого существования является неизменным на протяжении всего творческого пути великого русского поэта, то трактовка и решение проблем социально-исторического характера в его работах раннего и зрелого периодов творчества получают существенные корректировки. И переломным моментом в этом смысле можно считать восстание и поражение декабристов в 1825 г. С одной стороны, в мятеже были замешаны многие из его близких знакомых и друзей, и их осуждение и последовавшая за этим казнь одних и ссылка других острой болью отозвались в сердце Пушкина; с другой стороны, под влиянием указанных событий он окончательно освобождается от обуревавшего его в юношеские годы бунтарского духа и романтически-либеральной мечтательности. Определенную роль в этом деле сыграли доверительные отношения, установившиеся между поэтом и новым монархом. Если вспомнить, что Александр I и Пушкин относились друг к другу с крайней неприязнью, то Николай I, будучи почти ровесником поэта, хотя бы внешне пытался принять в его жизни активное участие: прежде всего освободил его от ссылки, позволил вернуться в столицу и даже пообещал быть его первым цензором. Вначале Пушкин возлагал на нового императора определенные надежды, что нашло свое отражение в «Стансах» (1826), где дается совет, как правильно вести государственную политику и каковы должны быть ее приоритеты. Однако наступившая после разгрома восстания декабристов удушающая общественная атмосфера вызывала у поэта приступы глубокого отчаяния, нашедшие отражение в таких стихотворениях, как «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» или «В степи мирской, печальной и безбрежной...». Его часто посещает мысль о том, что смерть может быть предпочтительней жизни, и это свое мироощущение он пытается выразить в мрачной поэме об Агасфере, начатой, но не законченной ввиду ув-

лечения другими проблемами, касающимися судьбы России и ее места в мировом историческом процессе. «В 30-х годах творчество Пушкина снова почти целиком посвящается разработке социальных вопросов. Народ, крепостное крестьянство, его жизнь, его поэзия, его борьба за свое освобождение, становится одной из основных тем Пушкина — художника и историка, каким он делается в эти годы» [1, с. 441].

Важную роль в становлении политического мировоззрения поэта и формировании его как прозорливого историка сыграли трагедия «Борис Годунов», написанная еще до декабрьского восстания, а также работы исторического характера, созданные в зрелый период творчества. Среди них на первом месте стоит «История Пугачева», в которой затрагиваются острые социально-политические и философско-исторические проблемы. В начале 1830-х гг. Пушкин критически осваивает труды современных ему французских историков — Ф. Гизо, О. Тьерри и О. Минье. Все это позволяет сложиться в его голове оригинальной социально-исторической концепции, в которой находят отражение вопросы, касающиеся определения движущих сил исторического процесса, взаимоотношений верховной власти и народа, места России в мировой истории и перспектив ее дальнейшего развития, а также конфликта между счастьем отдельно взятой личности и благом государства.

«Общим фундаментом политического мировоззрения Пушкина, — отмечает С. Л. Франк, — было национально-патриотическое умонастроение, оформленное как государственное сознание. Этим был обусловлен прежде всего его страстный постоянный интерес к внешнеполитической судьбе России» [9, с. 43]. В этом смысле поэт относился к тем немногим людям, которые остались верны идеалам своей юности и даже в сложное для России время, связанное с восстанием в Польше в 1830 г. и вмешательством европейских держав в русско-польские дела, не предали «сентиментальному космополитизму» и не утратили чувство национального достоинства, а сохраняли непоколебимую уверенность в прочности Российского государства.

Не будучи связан партийно-политическими узлами и догматами, обладая конкретно-реалистическим умом, Пушкин при всем своем страстном интересе к культуре и политической жизни Западной Европы, при всем своем в этом смысле «западничестве», «был совершенно свободен от того рабски-ученического, восторженно-некритического отношения к западным политическим идеям и движениям, которое так характерно для обычного типа русских западников» [9, с. 46]. Он хорошо понимал отличие России от Запада и, будучи наделен здравым смыслом и критическим историческим сознанием, отказывался от возможности непосредственного и безоговорочного применения западных социально-философских и политических доктрин к российской действительности. По его мнению, история России «требует другой мысли, другой формулы, чем мысли и формы, выведенные Гизотом (Ф. Гизо. — А. З.) из истории христианского Запада» [6, т. 7, с. 210].

Консерватизм политического мировоззрения великого русского поэта проявляется также в его неприятии всякого рода мятежей и революций. В зрелом возрасте нелюбовь к радикальным и насильственным методам политической борьбы превращается у него в неподдельную тревогу о возможности применения этих методов и в стремление мирным путем разрешать социально-политические конфликты. Известное пушкинское высказывание: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» — суровое предупреждение любителям всякого рода политических авантюр. Но Пушкин не останавливается на негативной формулировке; в другом месте он дает положительный вариант решения этой же проблемы. «Лучшие и прочнейшие изменения, — замечает он, — суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...» [6, т. 6, с. 350].

Одной из «печальных истин» для поэта является то, что «недостаток просвещения и нравственности» способен вовлекать в общем-то неплохих людей, желающих блага для своего народа и отечества, «в преступные заблуждения». И чтобы помочь избежать этого,

особенно, что касается молодого поколения, Пушкин делает следующее замечание: «Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла ... Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия» [6, т. 7, с. 308].

Отсюда вытекает требование свободного культурного развития для обеспечения правопорядка и независимости личности. При этом само культурное развитие должно осуществляться на почтительном отношении к историческому прошлому народа и его вековым традициям. Одним словом, на любви «к отеческим гробам» и «к родному пепелищу» «основано от века самостоянье человека». Исходя из этого, поэт выдвигает требование уважать старинное родовое дворянство как носителя культурно-исторической преемственности в России. «Наследственность высшей знати, — пишет он, — есть гарантия ее независимости — противоположное неизбежно явится средством тирании или скорее трусливого и дряблого деспотизма» [6, т. 6, с. 312]. Это говорит о том, что, несмотря на безусловное сочувствие к простому народу, на искренне желание освободить крестьянство от «барства дикого», Пушкин ни в коем разе не был эгалитаристом. Более того, ему претила демократия в смысле господства «народа», «массы» или «черни», поскольку «неравенство есть закон природы», а значит, разумная воля меньшинства (политической и культурной элиты) призвана управлять народами. По своим политическим убеждениям он всегда оставался монархистом и требовал только ограничения власти государей законом, дабы монархия не превращалась в деспотизм. Поэт нисколько не сомневался в необходимости и полезности монархии для России. В этой связи он искренне утверждал: «Со времени восшествия на престол дома Романовых правительство у нас всегда впереди на поприще образования и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно» [6, т. 6, с. 209].

Такой взгляд на роль монархии в России является, безусловно, уникальным: он

далек от официального монархизма правительственных и придворных кругов, а также от романтического априорно-философского взгляда на монархию славянофилов. Особенность веры Пушкина в монархию основана, как это ни парадоксально, на любви к свободе и культуре. Поэт не требует у Николая I права на активное участие в политических делах, более того, он даже соглашается с необходимостью введения цензуры, лишь бы она сама подчинялась строгим законам. Ему достаточно лишь духовной независимости, возможности свободно заниматься творческим трудом, а также невмешательства в его личную и семейную жизнь. В последние годы своей жизни он пытается получить отставку, снять с себя придворный мундир и претворить в жизнь свою давнюю заветную мечту — поселиться в деревне и заниматься в уединении творчеством. Но просьба поэта о отставке вызвала крайнее раздражение царя, который был далек от того образа идеального монарха, каковым тот представлялся в его воображении. В итоге Пушкин, искренне надеявшийся, что в лице Николая I Россия все же обретет достойного преемника Петра, в конце своей жизни вынужден был испытать чашу горького разочарования и с сожалением констатировать, что в правящем императоре «*beaucoup du Praporchique et un peu du Pierre le Grand*» (франц.: «много от прапорщика и мало от Петра Великого») как записал поэт в дневнике 21 мая 1834 г. [6, т. 7, с. 288].

Если оценивать мировоззрение А. С. Пушкина в общем и целом, становится понятно, что на протяжении своей жизни поэт не замыкается окончательно ни в каком конкретном мирозерцании, ни в каком духовном направлении, ни в какой философской теории. И в этом смысле он «сверхпартиен» не в сугубо политическом, а в философском смысле, т. е. ни материалист, ни идеалист, ни объективист, ни субъективист. Жизненная мудрость Пушкина никогда не является ни только субъективным настроением, ни только объективной теорией бытия. По сути своей она предстает не чем иным, как откровением бытия, обретшего голос и повествующего о самом себе.

Поэт, как Протей, постоянно меняет свой облик: он то оптимистичен и даже гедонистичен, то пессимистичен и даже трагичен; то светел и лучезарен, то угрюм и мрачен; то жаждет жизни и всех ее радостей, то отрекается от нее вплоть до аскезы; то открыт окружающему миру, то замкнут и сосредоточен в себе; то предстает атеистом и даже богохульником, то искренне религиозным человеком, видящим в своем творчестве проявление божественного дара. В этом, пожалуй, состоит универсальность его гения, который на протяжении жизни поэта блещет и переливается всеми своими гранями, разными оттенками и цветами. Он может, как изображенный им Моцарт, слушать зауярдного уличного музыканта, потешаясь над ним, и писать реквием, живо интересоваться земным и обыденным и одновременно быть обращенным к небесному и божественному. Но при всей искрометности и многогранности пушкинского гения, всей способности поэта в зависимости от обстоятельств и устремлений менять свой облик, в развитии его мировоззрения можно найти устойчивые тенденции, которые отчетливо видны, если окинуть его жизнь единым взором. Его становление как личности идет от юношеского бунтарства и свободомыслия к либеральному консерватизму, опирающемуся на укорененные в веках национальные традиции и русскую культуру, с одной стороны, и требующему личной свободы человека как залога возможности творческой деятельности,— с другой. Основой политического мировоззрения поэта, несмотря на всё его убежденное «западничество», с годами становится национально-патриотическое умонастроение, которое заставляет его критически относиться к западным политическим доктринам и движениям и, как следствие, быть непримиримым противником демократии, а идеалом политического устройства России считать монархию как государственный институт, который призван, опираясь на строгое соблюдение законов, обеспечить стабильное внутреннее положение страны и способствовать ее экономическому и культурному процветанию.

Alexandr L. ZORIN

On the Worldview of Alexander Pushkin

Abstract. The article deals with the features of the worldview of Alexander Pushkin, a brilliant poet and an original thinker, who left a deep trace in Russian culture and national consciousness. This issue has been repeatedly described in the works of different researchers who, based on their own political, ethical and religious ideas, often unilaterally assessed Pushkin's socio-political, aesthetic and religious views. Back in the 19th century, Pushkin was presented as a "humble Christian" (F.M. Dostoevsky), on the one hand, and as a "pagan, rebellious, sensual and heroic" Russian genius (K.N. Leontiev), on the other. The assessments of Pushkin's worldview in the Soviet and post-Soviet periods differ significantly.

In this regard, the article aims to consider Pushkin's worldview in the context of his whole life and career, attracting not only his works of art, but also his correspondence with friends and acquaintances, as well as memories of contemporaries.

At the same time, the study takes into account not only the socio-political, cultural and ideological situation in which Pushkin lived and worked, but also his spiritual evolution, for he was rather impulsive in nature, was constantly looking for the meaning of life, reliable points of support in the ever-changing world. As many of his peers, young Pushkin went through the "mental diseases" of his era, which, in addition to revolutionary romance expressed in the condemnation of autocratic despotism and moral condemnation of serfdom, included passion for the Masonic ideas, atheistic and even militant atheistic attitudes. But in the period of maturity, which came after the defeat of the Decembrist uprising in 1825, the foundation of Pushkin's political views becomes a national-patriotic mentality designed as a public service consciousness. The conservatism of his political worldview manifests itself as a dislike for radical and violent methods of political struggle. In his political convictions, Pushkin becomes a monarchist and only demands restrictions on the sovereign's power by law so that the monarchy does not turn into despotism.

The analysis shows that Pushkin was not ready to cram his life in the Procrustean bed of some philosophical theory, but attempted to experience all the states of the human spirit: he craves life and all its joys then renounces it up to austerity; he is open to the outside world then closed and concentrated on himself; he appears to be an atheist and even a blasphemer then a genuinely religious person who sees the manifestation of the divine gift in his works. However, despite Pushkin's ability to change his image depending on the circumstances and aspirations, there is a sustainable trend in the development of his worldview. His personal formation goes from youthful rebellion and liberty to liberal conservatism based on national traditions and Russian culture, on the one hand, and requiring personal liberty as a guarantee of creative activity, on the other.

Keywords: worldview, objectivism, subjectivism, freethought, liberal conservatism, national traditions, Russian culture, optimism, pessimism, Westernism, monarchism.

Использованная литература:

1. Бонди С. Поэмы Пушкина // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1975. С. 433–467.
2. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 1. Л.: Эго, 1991.
3. Ильин И. А. Пророческое признание Пушкина. Рига: Ernst Plates, 1937.
4. Кирпотин В. Я. Мировоззрение Пушкина // Вестник Академии Наук СССР, 1937. № 2–3. С. 19–35.
5. Ковалева С. Ю. Проблемы религиозности в мировоззрении и лирическом наследии А. С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2005.

References:

1. Bondi, S. (1975) Poemy Pushkina [Poems of Pushkin]. In: Pushkin, A.S. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: In 10 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Zen'kovskiy, V.V. (1991) *Istoriya russkoy filosofii: v 2 t.* [History of Russian Philosophy: In 2 vols]. Vol. 1. Leningrad: Ego.
3. Il'in, I.A. (1937) *Prorocheskoye priznaniye Pushkina* [Pushkin's prophetic confession]. Riga: Ernst Plates.
4. Kirpotin, V.Ya. (1937) *Mirovozzrenie Pushkina* [Pushkin's worldview]. *Vestnik Akademii Nauk SSSR.* 2–3. pp. 19–35.

6. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1974–1978.
7. Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990.
8. Розанов В. В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990.
9. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Мюнхен: б.и., 1957.
5. Kovaleva, S.Yu. (2005) *Problemy religioznosti v mirovozzrenii i liricheskom nasledii A. S. Pushkina* [Problems of religiosity in the worldview and lyrical heritage of A.S. Pushkin]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
6. Pushkin, A.S. (1974–1978) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: In 10 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
7. Gal'tseva, R.A. (1990) *Pushkin v russkoy filosofskoy kritike: konets XIX – pervaya polovina XX veka* [Pushkin in Russian philosophical criticism: the end of the 19th – the first half of the 20th centuries]. Moscow: Kniga.
8. Rozanov, V.V. (1990) *Sumerki prosveshcheniya* [The twilight of the Enlightenment]. Moscow: Pedagogika.
9. Frank, S.L. (1957) *Etudy o Puskine* [Studies on Pushkin]. Munich: [s.n.].

Полная библиографическая ссылка на статью:

Зорин, А. Л. К вопросу о мировоззрении А. С. Пушкина [Электронный ресурс] / А. Л. Зорин // Наследие веков. – 2019. – № 2. – С. 13-22. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Zorin.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Zorin, A. L. (2019) On the Worldview of Alexander Pushkin. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 13-22. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/06/2019_2_Zorin.pdf (Accessed: dd.mm.yyyy). (In Russian).